

Беляев А. Д. Истинное христианство и гуманизм: [По поводу реферата Вл. С. Соловьева «О причинах упадка средневекового мирозерцания»] // Богословский вестник 1892. Т. 3. № 10. С. 1–22 (3-я пагин.). (Продолжение.)

ИСТИННОЕ ХРИСТИАНСТВО И ГУМАНИЗМЪ.

(Продолженіе).

Отрицательный взглядъ г. Соловьева на достоинство Церкви не есть что-либо оригинальное, а заимствованъ имъ изъ сочиненія графа Л. Н. Толстаго: „Въ чемъ моя вѣра?“. Изъ того же сочиненія заимствованы и нѣкоторыя другія мысли реферата.

Приведемъ нѣкоторыя относящіяся сюда выдержки изъ втораго изданія этого сочиненія, вышедшаго въ 1888 г., и сдѣлаемъ оцѣнку гуманистическихъ взглядовъ, проведенныхъ въ этомъ сочиненіи.

Въ христіанствѣ „разрывъ между ученіемъ о жизни и объясненіемъ жизни (т. е. между этической и метафизической стороною христіанства), говоритъ графъ Толстой, совершился окончательно во время Константина, когда найдено было возможнымъ весь языческій строй жизни, не измѣняя его, облечь въ христіанскія одежды и потому признать христіанскимъ. Со времени Константина... начинаются соборы и центръ тяжести христіанства переносится на одну метафизическую сторону ученія. И это метафизическое ученіе, съ сопутствующими ему обрядами, все болѣе и болѣе отклоняясь отъ основнаго смысла своего, доходитъ до того, до чего оно дошло теперь: до ученія, которое объясняетъ самыя недоступныя разуму человѣческому тайны жизни небесной, даетъ сложнѣйшіе обряды богослужебные, но не даетъ *никакого* религіознаго ученія о жизни земной“. „Со временъ Константина христіанская церковь признала и освятила все то, что было въ языческомъ мірѣ:

она признала и освятила и разводъ, и рабство, и суды, и всё тѣ власти, которыя были, и войны, и казни...¹⁾

Г. Соловьевъ также признасть, что истинное христіанство было только тогда, когда оно было не господствующей, а гонимой религіей, т. е. до Константина Великаго, а христіанство послѣдующихъ временъ онъ считаетъ проникнутымъ языческими элементами; а мысль Толстаго о преобладаніи въ ученіи Церкви со времени вселенскихъ соборовъ метафизической стороны предъ этической отразилась у г. Соловьева въ порицаніи христіанства за односторонній догматизмъ.

На самомъ же дѣлѣ Церковь никогда не освящала ни развода, ни рабства, ни казней, а только допускала по необходимости и въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти и другія неурядицы человѣческаго общежитія. Церковь, относясь снисходительно къ нѣкоторымъ проявленіямъ человѣческаго несовершенства, слѣдсвала примѣру Иисуса Христа, Который вопреки жесткому ригоризму фарисеевъ, осуждавшихъ учениковъ Его за то, что они утоляли свой голодъ въ субботу, срывая колосья, привелъ слова пророка (Ос. 6, 6): *милости хочу, а не жертвы* (Мѡ. 12, 7). Церковь помнила также, что Иисусъ Христосъ не осудилъ Моисея за то, что онъ дозволилъ разводъ, хотя Самъ Иисусъ Христосъ призналъ разводъ противнымъ первоначальному установленію Божію о бракѣ,—не осудилъ потому, что истинной виной отступленія отъ первобытнаго закона Божія и закона природы о бракѣ былъ не законодатель и не законъ его, а жестокосердіе людей. *Моисей по жестокосердію вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими, а сначала не было такъ* (Мѡ. 19, 8). Постановляя правила, Церковь всегда держалась того духа благоразумія, который ею явно высказалъ въ одномъ изъ ея правилъ: *да не оставимъ, гласить третье правило шестаго вселенскаго собора, ни кротости слабою, ни строгости жестокою.*

Относительно преобладанія въ ученіи Церкви метафизической стороны предъ нравственной, какъ выражается графъ Толстой, или относительно узкаго и односторонняго догматизма, принимая терминологию г. Соловьева, должно согла-

¹⁾ Стр. 193—194.

ситься, что Церковь всегда,---и въ періодъ вселенскихъ соборовъ, и раньше ихъ, и послѣ нихъ,---поставляла догматы выше всего и изъясненіе ихъ, а равно и ниспроверженіе неправильныхъ мнѣній о предметахъ вѣры признавала первѣйшею и важнѣйшею своею обязанностію. Но это такъ и должно быть. Не могла же Церковь забыть словъ Божественнаго Учителя: *Сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единого истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Иисуса Христа* (Іоан. 17, 3).

Но изъясняя и утверждая догматы, Церковь отнюдь не забывала этической стороны Христова ученія, никогда не извращала ученія Христа о правдивности и, безъ крайней нужды, безъ уважительныхъ причинъ, никогда не ослабляла силы и строгости заповѣдей Божіихъ. По крайней мѣрѣ это должно сказать о Церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Графъ Толстой, изучивши Евангелія, повидимому, никогда не читалъ и едва-ли даже видѣлъ „книгу правилъ святыхъ Апостолъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, и святыхъ Отецъ“. Судить объ ученіи и дѣятельности Церкви, не читавши этой книги, это все тоже, что разсуждать объ ученіи и жизни Христа, не издавши Евангелій.

Что же содержится въ „Книгѣ Правилъ“, выражающей духъ и результаты дѣятельности древне-вселенской, не раздѣленной еще Церкви? Въ книгѣ Правилъ на первомъ мѣстѣ поставлены символы и прочія догматическія вѣроопредѣленія соборовъ; однако по объему они занимаютъ весьма небольшую часть книги. Почти вся она наполнена правилами, изданными или вселенскою Церковію, или хотя и помѣстными Церквями и даже частными лицами, но принятыми въ руководство вселенскою Церковію. Правда, большая часть правилъ имѣютъ характеръ обрядовой, административный и судебный, излагая права и обязанности клириковъ, или относясь къ Богослуженію, т. е. это все такія правила, которыя въ глазахъ графа Толстаго никакой важности не имѣютъ и даже могутъ ему подать поводъ обвинять Церковь за то, что она, постановляя многочисленныя правила, изъ которыхъ каждое въ частности не имѣетъ большаго значенія, потеряла изъ виду основныя нравственныя заповѣди Христа, которыхъ графъ Толстой

насчитываетъ всего-то пять ¹⁾); но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что богослуженіе есть столь-же важная и неотъемлемая принадлежность всякой религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ неискоренимая потребность духа, какъ и догматическое ученіе и правоученіе. Если графъ Толстой признаетъ религію состоящей только изъ метафизики и морали, то это свидѣтельствуетъ только о неправильности его взгляда на сущность религіи. Всѣ религіи всегда и вездѣ имѣли культъ, и исторія буддизма показываетъ, что онѣ и не могутъ обойтись безъ него. И какъ бы прекрасно ни доказывалъ графъ Толстой, что для жизни нужны только пять нравственныхъ заповѣдей изъ нагорной проповѣди Христа, люди, къ какой-бы религіи они ни принадлежали, никогда не откажутся ни отъ догматовъ, ни отъ культа; и это по той простой причинѣ, что всѣ люди, кромѣ воли, имѣютъ умъ и сердце, и не могутъ не имѣть ихъ, пока остаются людьми. А разъ христіанство, какъ и всякая иная религія, имѣетъ богослуженіе, послѣднее не можетъ не быть общественнымъ, тѣмъ болѣе, что и въ правоученіи своемъ христіанство призываетъ людей къ миру, общенію, братству и взаимной любви. А общественное богослуженіе, чтобы оно было совершаемо достойно своей важности, должно быть устроено и подчинено извѣстнымъ правиламъ. И такъ какъ христіанское богослуженіе устроилось именно въ первые вѣка и въ періодъ вселенскихъ соборовъ, то поэтому тогда и издано было Церковью много правилъ касательно богослуженія и совершителей его. Впрочемъ и въ административныхъ своихъ правилахъ Церковь устанавливала не юридическія только формы: вездѣ въ этихъ правилахъ, явно или молчаливо, основой, мотивомъ служить забота Церкви о нравственной чистотѣ тѣхъ, которыхъ правила касались,—забота о томъ, чтобы не возникало соблазновъ, не было поводовъ къ нарушенію мира и т. под.

Другая же, значительная часть правилъ—прямо нравственныхъ предписанія. И они ясно показываютъ, какой нравственной высоты и чистоты требовала Церковь отъ христіанъ, требовала непорочности не только въ дѣлахъ,

¹⁾ Въ чемъ моя вѣра? Стр. 97—98; 211 и др.

но и въ мысляхъ и побужденіяхъ. Изъ нихъ видно, что она нисколько не послабляла строгости нравственныхъ правилъ евангельскаго ученія, что она не только не пренебрегала дѣломъ правоученія, какъ-бы неважнымъ, но, напротивъ, настойчиво преподавала и разъясняла его и требовала строгаго исполненія нравственныхъ правилъ, а за отступленіе отъ нихъ налагала эпитиміи. Такихъ правилъ не десятки, а сотни и потому привести хотя-бы важнѣйшія изъ нихъ нѣтъ возможности. Всякій можетъ прочесть ихъ въ „Книгѣ Правилъ“.

Въ виду этого есть-ли хотя малая доля правды въ словахъ графа: „Христіанская Церковь со временъ Константина не потребовала никакихъ поступковъ отъ своихъ членовъ. Она даже не заявляла никакихъ требованій воздержанія отъ чего-бы то ни было... Она требовала, при крещеніи, только словеснаго, и то только сначала, отреченія отъ зла; но потомъ, при крещеніи младенцевъ, перестали требовать даже и этого. Въмѣсто того, чтобы руководить міромъ въ его жизни, Церковь въ угоду міру перетолковала метафизическое ученіе Христа такъ, что изъ него не вытекало никакихъ требованій для жизни, такъ что оно не мѣшало людямъ жить такъ, какъ они жили. Церковь тутъ уступила міру, а разъ уступивъ міру, она пошла за нимъ. Міръ дѣлалъ все, что хотѣлъ, предоставляя Церкви, какъ она умѣетъ, поспѣвать за нимъ въ своихъ объясненіяхъ смысла жизни. Міръ учреждалъ свою, во всемъ противную ученію Христа, жизнь, а Церковь придумывала иносказанія, по которымъ бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живутъ согласно съ нимъ. И кончилось тѣмъ, что міръ сталъ жить жизнью, которая стала хуже языческой жизни, и Церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но утверждать, что въ этомъ-то и состоитъ ученіе Христа“¹⁾,

Тутъ что ни слово, то или передержка, или безцеремонная клевета, или же совершенное незнаніе предмета рѣчи. Слишкомъ уже поздно графъ взялся за изученіе богословія; и какъ онъ ни талантливъ, а все-таки и на немъ оправдываются слова басни Крылова:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,

А сапоги тачать пирожникъ.

¹⁾ Тамъ же, Стр. 194—195.

Въ особенноти любопытна выдумка графа, будто Церковь съ какого-то времени перестала требовать при крещеніи младенцевъ отреченія отъ зла. Эта выдумка похожа на сонную грезу, потому что въ дѣйствительности нѣтъ ничего даже и похожаго на это странное измышленіе.

Совпадая съ графомъ Толстымъ въ мнѣніи объ упадкѣ жизни и ученія Церкви, о мнимомъ превращеніи христіанства въ лже-христіанство, въ полуязычество, г. Соловьевъ сходится съ нимъ и въ -высокомъ мнѣніи о нравственныхъ принципахъ и жизни невѣрующихъ гуманистовъ, а съ другой стороны, въ мнѣніи о недостаткѣ вліянія Церкви на общество. Вотъ что говоритъ объ этомъ графъ вслѣдъ за вышеприведенными словами объ обміршеніи Церкви.

„Пришло время, и свѣтъ истиннаго ученія Христа, которое было въ Евангеліяхъ, не смотря на то, что Церковь, чувствуя свою неправду, старалась скрывать его (запрещая переводы Библии),—пришло время, и свѣтъ этотъ черезъ такъ называемыхъ сектантовъ, даже черезъ вольнодумцевъ міра, проникъ въ народъ, и невѣрность ученія Церкви стала очевидна людямъ, и они стали измѣнять свою прежнюю, оправданную Церковью, жизнь на основаніи этого, помимо Церкви дошедшаго до нихъ, ученія Христа... Ученіе о жизни людей эмансипировалось отъ Церкви и установилось независимо отъ нея... И у Церкви ничего не осталось, кромѣ храмовъ, иконъ, парчи и словъ... У Церкви не осталось никакого ученія о жизни.

„Церковь пронесла свѣтъ христіанскаго ученія о жизни черезъ 18 вѣковъ и, желая скрыть его въ своихъ одеждахъ, сама сожглась на этомъ свѣтѣ. Міръ съ своимъ устройствомъ, освященнымъ Церковью, отбросилъ Церковь во имя тѣхъ самыхъ основъ христіанства, которыя нехотя пронесла Церковь, и живетъ безъ нея. Фактъ этотъ совершился, и скрывать его уже невозможно. Все, что точно живетъ, а не уныло злѣбится, не живя, а только мѣшая жить другимъ, все живое въ нашемъ европейскомъ мірѣ отпало отъ Церкви и всякихъ церквей и живетъ своею жизнію, независимо отъ Церкви. И пусть не говорятъ, что это такъ въ гнилой западной Европѣ: наша Россія съ своими милліонами раціоналистовъ-христіанъ, образованныхъ

и необразованныхъ, отбросившихъ церковное ученіе, бесспорно доказываетъ, что она, въ смыслѣ отпаденія отъ Церкви, слава Богу, гораздо гилѣе западной Европы.

„Все живое независимо отъ Церкви.

„Государственная власть зиждется на преданіи, на наукѣ, на народномъ избраніи, на грубой силѣ, на чемъ хотите, но только не на Церкви.

„Войны, отношенія государствъ устанавливаются на принципѣ народности, равновѣсія, на чемъ хотите, только не на церковныхъ началахъ.

„Государственные учрежденія прямо игнорируютъ Церковь: мысль о томъ, чтобы Церковь могла быть основой суда, собственности, въ наше время только смѣшна.

„Наука не только не содѣйствуетъ ученію Церкви, но печально, невольно въ своемъ развитіи враждебна Церкви.

„Искусство, прежде служившее одной Церкви, теперь все ушло изъ нея.

„Мало того, что жизнь вся эмансипировалась отъ Церкви: жизнь эта не имѣетъ другаго отношенія къ Церкви, кромѣ презрѣнія, пока Церковь не вмѣшивается въ дѣла жизни, и ничего, кромѣ ненависти, какъ только Церковь пытается напомнить ей свои прежнія права. Если еще существуетъ та форма, которую мы называемъ Церковью, то только потому, что люди боятся разбить сосудъ, въ которомъ было когда-то драгоценное содержимое; только этимъ можно объяснить существованіе въ нашъ вѣкъ католичества, православія и разныхъ протестантскихъ церквей.

„Все то, чѣмъ истинно живетъ теперь міръ: социализмъ, коммунизмъ, политико-экономическія теоріи, утилитаризмъ, свобода и равенство людей, и сословія, и женщины, всѣ нравственные понятія людей, святость труда, святость разума, науки, искусства, все, что ворочаетъ міромъ и представляется Церкви враждебнымъ, все это части того-же ученія, которое, сама того не зная, принесла съ скрываемымъ ею ученіемъ Христа та-же Церковь.

„Въ наше время жизнь міра идетъ своимъ ходомъ, совершенно независимо отъ ученія Церкви. Ученіе это осталось такъ далеко позади, что люди міра не слышатъ уже голосовъ учителей Церкви. Да и слушать нечего, потому что Церковь только даетъ объясненія того устройства жиз-

ни, изъ котораго уже выросъ міръ и котораго или уже вовсе нѣтъ, или которое неудержимо разрушается...

„Остановить это движеніе нѣтъ никакой возможности. Всѣ люди неудержимо идутъ за тѣми, которые идутъ впереди, и всѣ придутъ туда, гдѣ стоятъ передовые. Передовые-же стоятъ надъ пропастію. Передовые находятся въ ужасномъ положеніи: они дѣлаютъ жизнь для себя, готовятъ жизнь для всѣхъ тѣхъ, которые идутъ за ними, и находятся въ совершенномъ невѣдѣніи того, зачѣмъ они дѣлаютъ то, что дѣлаютъ. Ни одинъ цивилизованный передовой человѣкъ теперь не въ состояніи дать отвѣтъ на прямой вопросъ: зачѣмъ ты живешь тою жизнію, которою ты живешь? Зачѣмъ дѣлаешь все то, что ты дѣлаешь? Я пробовалъ спрашивать объ этомъ и спрашивалъ у сотенъ людей и никогда не получалъ прямого отвѣта... На мѣсто личнаго вопроса подставляютъ общій; и подставляетъ его и вѣрующій, и философъ, и средній человѣкъ потому, что у него нѣтъ никакого отвѣта на личный вопросъ жизни, потому что у него нѣтъ никакого настоящаго ученія о жизни. И ему совѣстно. Онъ чувствуетъ себя въ униженномъ положеніи человѣка, неимѣющаго никакого ученія о жизни, тогда какъ человѣкъ никогда не жилъ и не можетъ жить безъ ученія о жизни. Только въ нашемъ христіанскомъ мірѣ на мѣсто ученія о жизни и объясненія, почему жизнь должна быть такая, а не иная, т. е., на мѣсто религіи, подставилось одно объясненіе того, почему жизнь должна быть такою, какою она была когда-то прежде, а религіей стало называться то, что никому ни на что не нужно; а сама жизнь стала независима отъ всякаго ученія, т. е., безъ всякаго опредѣленія...

„Отсюда произошло то удивительное явленіе, что въ нашъ вѣкъ мы видимъ людей умныхъ и ученыхъ, пренаивно увѣренныхъ, что они свободны отъ всякой религіи только потому, что не признаютъ тѣхъ метафизическихъ объясненій начала всего, которыя когда-то и для кого-то объясняли жизнь. Имъ не приходитъ въ голову, что имъ надо же жить какъ-нибудь и что они живутъ же какъ-нибудь, и что именно то, на основаніи чего они живутъ такъ, а не иначе, и есть ихъ религія. Люди эти воображаютъ, что у нихъ есть очень возвышенныя убѣжденія и нѣтъ ника-

кой вѣры. Но каковы-бы ни были ихъ разговоры, у нихъ есть вѣра, если только они совершаютъ какіе нибудь разумные поступки, потому что разумные поступки всегда опредѣляются вѣрою. Поступки же этихъ людей опредѣляются только вѣрою, что надо дѣлать всегда только то, что велятъ. Религія людей, не признающихъ религіи, есть религія покорности всему тому, что дѣлаетъ сильное большинство, т. е., короче, религія повиновенія существующей власти...

„Тщетно искалъ я въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ какихъ-нибудь ясно выраженныхъ нравственныхъ основъ для жизни. Ихъ нѣтъ. Нѣтъ даже сознанія, что онѣ нужны. Есть даже странное убѣжденіе, что онѣ не нужны, что религія есть только извѣстныя слова о будущей жизни, о Богѣ, извѣстные обряды, очень полезные для спасенія души по мнѣнію однихъ и ни на что ненужные по мнѣнію другихъ, а что жизнь идетъ сама собою и что для нея не нужно никакихъ основъ и правилъ; нужно только дѣлать то, что велятъ. Изъ того, что составляетъ сущность вѣры, т. е., ученія о жизни и объясненія смысла ея,—первое считается не важнымъ и не принадлежащимъ къ вѣрѣ, а второе, т. е., объясненіе когда то бывшей жизни, или разсужденія и гаданія объ историческомъ ходѣ жизни, считается самымъ важнымъ и серьезнымъ.

„Раздвоеніе между объясненіемъ вѣры, которое названо вѣрою, и самою вѣрою, которая названа общественной, государственной жизнью, дошло теперь до послѣдней степени, и все цивилизованное большинство людей осталось для жизни съ одной вѣрой въ городского и урядника.

„Положеніе это было-бы ужасно, если бы оно вполнѣ было таково. Но, къ счастью, въ наше время есть люди, лучшіе люди нашего времени, которые не довольствуются такою вѣрою и имѣютъ свою вѣру въ то, какъ должны жить люди.

Люди эти считаются самыми зловредными, опасными и, главное, невѣрующими людьми, а между тѣмъ это единственные вѣрующіе люди нашего времени, и не только вѣрующіе вообще, но вѣрующіе именно въ ученіе Христа,—если не во все ученіе, то хотя въ малую часть его.

„Люди эти часто вовсе не знаютъ ученія Христа, не по-

нимають его, часто не принимаютъ, такъ же, какъ и враги ихъ, главной основы Христовой вѣры—непротивленія злу, часто даже ненавидятъ Христа; но вся ихъ вѣра въ то, какова должна быть жизнь, почерпнута изъ ученія Христа. Какъ-бы ни гнали этихъ людей, какъ бы ни клеветали на нихъ, но это единственные люди, не покоряющіеся безропотно всему, что велятъ, и потому—это единственные люди нашего міра, живущіе не животною, а разумною жизнію, — единственные вѣрующіе люди“ ¹⁾, эпистола.

Только-бы присвоить имъ нравственно-практическую благодать! Но Толстой не могъ этого сдѣлать, потому что, какъ пантеистъ и односторонній моралистъ, онъ не признаетъ никакой вообще благодати. Христосъ для него только великій правоучитель, но не искупитель, не ходатай, не податель благодати. Впрочемъ ему и не было надобности источника моральной дѣятельности невѣрующихъ, а по его терминологіи вѣры ихъ во Христа, искать въ благодати: гораздо проще и правильнѣе онъ объясняетъ происхождение ея у нихъ заимствованіемъ началъ ея изъ ученія Христа, хотя бы и безсознательнымъ и невольнымъ.

Но разсуждая съ этой стороны правильно, графъ Толстой дѣлаетъ иной промахъ. Если эти невѣрующіе, а по его мнѣнію истинно-вѣрующіе, заимствовали свою мораль изъ ученія Христа, не зная его (ученія) и даже неавидя Самого Христа, то ясно, что они брали основы своей морали не прямо изъ Евангелія. Спрашивается, откуда-же? Больше неоткуда, какъ изъ Церкви, т. е., не изъ церковныхъ книгъ, которыхъ они не читали, какъ не читали и Евангелія, а изъ жизни и ученія того общества, которое называется Церковію и отъ повсемѣстнаго вліянія котораго они не могли отрѣшиться.

Но если это такъ, то оказывается совершенно ложной мысль графа, будто у Церкви не осталось никакого ученія жизни, не осталось ничего, кромѣ внѣшнихъ принадлежностей богослуженія.

Живость этой мысли сказывается также въ неясности и самопротиворѣчии сужденій графа о томъ, съ какого времени Церковь обмірщилась и омертвѣла. По страницѣ 193-й выходитъ, будто это случилось еще во вре-

- 1) Тамъ-же, 195--206.

мена Константина Великаго; позже это обмірщеніе и омертвеніе Церкви только усиливалось еще больше, и Церковь стала „помѣхой“, стала „не нужна“, „отсохла“ только въ наши дни (207—209). Но, съ другой стороны, онъ же говоритъ: „Посмотрите, какъ рѣшительно, молодо, бодро люди нашего міра дѣлаютъ все, что дѣлаютъ. Искусства, науки, промышленность, общественная, государственная дѣятельность—все полно жизни. Но все это живо только потому, что питалось недавно еще соками матери чрезъ пуповину (а матерью онъ называетъ здѣсь Церковь). Была Церковь, которая проводила разумное ученіе Христа въ жизнь міра. Каждое явленіе міра питалось имъ, и росло, и выросло. Но Церковь сдѣлала свое дѣло и отсохла. Всѣ органы міра живутъ; источникъ ихъ прежняго питанія прекратился; новаго-же они еще не нашли; и они ищутъ его вездѣ, только не у матери, отъ которой они только что освободились. Они, какъ ягненокъ, пользуются еще прежней пищей, но не пришли еще къ тому, чтобы понять, что эта пища только у матери, но только иначе, чѣмъ прежде, можетъ быть передана имъ... Новый процессъ состоитъ въ томъ, чтобы сознательно принять тѣ истины христіанскаго ученія, которыя прежде безсознательно вливались въ чело-вѣчество чрезъ органъ Церкви и которыми теперь живо еще чело-вѣчество... Прежде у міра были объясненія Церкви, которыя, заслоняя отъ него ученіе (т. е. ученіе Христа), все-таки казались ему достаточными для его старой жизни, а теперь настало время, что Церковь отжила, и міръ не имѣетъ никакого объясненія своей новой жизни и не можетъ не чувствовать своей безпомощности, а потому и не можетъ теперь не принять ученія Христа“ ¹⁾. Съ одной стороны выходитъ, что Церковь еще во времена Константина *окончательно* совершила разрывъ между ученіемъ о жизни и объясненіемъ жизни, и весь языческій строй жизни Церковь приняла и признала христіанскимъ, а съ другой стороны, до нашихъ дней чрезъ Церковь вливались въ міръ христіанскія истины и ими и доселѣ живо чело-вѣчество. Церковь почти омертвѣла еще полторы тысячи лѣтъ тому назадъ и, чѣмъ дальше шло время, мертвѣла

¹⁾ Тамъ-же. Стр. 208—209.

все больше и больше; а между тѣмъ она же „проводила разумное ученіе Христа въ жизнь міра“, „сдѣлала свое дѣло“, и этимъ ученіемъ Христа „питалось, росло и выросло каждое явленіе міра“. Вѣдь нельзя же думать, что міръ жилъ этимъ ученіемъ, а Церковь, вливавшая это ученіе и соединенную съ нимъ жизнь въ міръ, сама была чужда и этого ученія и этой жизни. Пусть кто-нибудь согласится съ мнѣніемъ Толстаго, что Церковь сообщала міру ученіе Христа, полускрывая его, сообщала нехотя и въ превратномъ видѣ; но какъ это согласовать съ другою мыслию самого-же Толстаго, что міръ, доселѣ питавшись соками матери (Церкви), жилъ подобно младенцу въ утробѣ матери, безсознательно, а теперь вступилъ въ высшій періодъ своего существованія, какъ новорожденный младенецъ? Церковь родила младенца (современный міръ) не мертвого, а исполненнаго жизни и подготовленнаго къ высшей, болѣе совершенной жизни, она привела міръ къ совершенству. Но могла-ли бы это сдѣлать Церковь, еслибы она начала мертвѣть и вбирать въ себя язычество еще съ Константина Великаго и если-бы она теперь была совершенно „отсохшей“?

Кромѣ путаницы въ понятіяхъ и противорѣчій и наличная дѣйствительность изобличаетъ преувеличенія и ложь оцѣнки достоинства Церкви графомъ Толстымъ.

Графъ Толстой совершенно отрицаетъ вліяніе Церкви на политическую и государственную жизнь. Но достаточно припомнить пресловутый Kulturkampf (культурная борьба), воздвигнутый Бисмаркомъ противъ папы и католичества, чтобы признать неосновательность этого положенія Толстаго. Бисмаркъ въ теченіи не одного десятка лѣтъ былъ всевластнымъ вершителемъ политическихъ судебъ Европы, и, несмотря на это, затѣянная имъ борьба противъ католичества, хотя сначала склонилась въ его пользу, въ концѣ концовъ доставила побѣду католичеству. Бисмаркъ и его государственная система рухнули, а пала не только по прежнему остается духовнымъ, а отчасти и государственнымъ владыкой въ католическихъ странахъ, но даже и въ протестантской Пруссіи новые руководители германской политики принуждены были уступить католичеству почти всѣ права и преимущества, отнятыя или ограниченныя Бисмаркомъ.

Графъ Толстой считаетъ даже смѣшной мысль, чтобы въ наше время Церковь могла быть основой суда и собственности. Мы, напротивъ, думаемъ, что по крайней мѣрѣ въ Россіи главнѣйшій устой правосудія есть присяга, которую графъ вовсе отрицаетъ. Изъ русскихъ крестьянъ и горожанъ развѣ только немногіе, совершенно безсовѣстные, люди не побоятся дать ложныя показанія подъ присягой. Очень много случаевъ, въ которыхъ отъ ложныхъ показаній и еще чаще отъ умолчанія не удержали-бы свидѣтелей ни стыдъ, ни торжественная обстановка суда, ни опасеніе запутаться въ показаніяхъ, но ихъ сдерживаетъ страхъ нарушить клятву. Православный-ли русскій человекъ, раскольникъ-ли—всѣ они боятся страшнаго суда. Конечно, невѣрующіе суда Божія не чаютъ, и потому присяга для нихъ пустой звукъ; но вѣдь невѣрующіе даже и на Западѣ составляютъ незначительное меньшинство. На присягѣ держится правота свидѣтельскихъ показаній, а на этой правотѣ зиждется весь судъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ признанія вины со стороны подсудимыхъ, т. е., въ огромномъ большинствѣ уголовныхъ дѣлъ.

Что касается до собственности, то, конечно, отъ незаконнаго присвоенія ея, какого-бы рода оно ни было, людей удерживаетъ страхъ наказанія со стороны закона, но не меньше и не рѣже уздой служитъ страхъ суда Божія, о которомъ вѣщаетъ Церковь.

Несправедлива и та мысль, будто государственная власть зиждется на чемъ угодно, только не на Церкви. Достаточно обратить вниманіе на то, что всѣ или почти всѣ злоумышленники, покушавшіеся на жизнь Императора Александра II-го были люди невѣрующіе. Врагами государственной власти, въ особенности монархической, въ наши дни являются преимущественно социалисты; а социалисты въ огромномъ большинствѣ люди невѣрующіе.

Мысль графа Толстаго объ отношеніи къ Церкви искусства просто нелѣпа. Искусство, во всѣхъ своихъ видахъ, никогда не служило одной только Церкви; а съ другой стороны и теперь оно вовсе не ушло изъ Церкви. Живопись, музыка, поэзія, ораторство, ваяніе и архитектура служатъ ей по-прежнему. И мало того, что служатъ, но и сами получаютъ отъ нея животворную силу и находятъ въ

ней возвышеннѣйшіе идеалы и вдохновеніе для воплощенія ихъ въ прекрасной формѣ. Церковное краснорѣчіе и теперь не ниже судебного и государственнаго. Церковная поэзія въ настоящее время не процвѣтаетъ, но вѣдь и свѣтское поэтическое творчество нашихъ дней далеко уступаетъ безсмертнымъ твореніямъ прежнихъ вѣковъ. Современная церковная живопись если и уступаетъ свѣтской въ разнообразіи сюжетовъ, что неизбежно, за то превосходитъ ее величіемъ ихъ замысловъ и возвышенностію предметовъ. Композиціи церковнаго пѣнія и музыки удовлетворяютъ потребностямъ христіанскаго богослуженія, и въ современной церковной музыкѣ во всякомъ случаѣ удержалось больше простоты, серьезности и возвышенности, нежели въ нынѣшней свѣтской музыкѣ, которую за ея пошлую легкость и техническую вычурность не высоко цѣнятъ сами же выдающіеся творцы теперешней свѣтской музыки, напр. А. Рубинштейнъ.

Наука, дѣйствительно, большею частію враждебна Церкви, но все-таки не вся и не всегда враждебна. А главное, она враждебна не одной Церкви, но и Евангелію; и враждуетъ она противъ Церкви вовсе не изъ за того, что Церковь обмірщилась и утратила или извратила ученіе Христа, а напротивъ, потому, что Церковь содержитъ его и проповѣдуетъ, и вмѣстѣ съ нимъ содержитъ и все вообще библейское ученіе. Разныя философскія и естественно-научныя направленія мысли, дававшія въ свое время тонъ наукѣ, непріязненны прежде всего Библии, а отсюда враждебны и Церкви. Таковы: матеріализмъ, пантеизмъ, деизмъ, позитивизмъ, дарвинизмъ. Ученія же, вражда которыхъ исключительно направлена противъ Церкви, а не противъ Библии, суть сектантскія и раскольническія. Но вѣдь они, если и имѣютъ нѣчто общее съ наукой, то только съ наукой богословской, а вовсе не съ той свѣтской наукой, о которой говоритъ Толстой.

Но если-бы и дѣйствительно „вся жизнь эмансипировалась, какъ выражается графъ Толстой, отъ Церкви“ и не имѣла къ ней никакого иного отношенія, кромѣ презрѣнія и ненависти, что было-бы въ этомъ неожиданнаго и удивительнаго и слѣдовало-ли бы за это винить Церковь? Напомнимъ графу Толстому слова Иисуса Христа, сказанныя Имъ своимъ ученикамъ: *если міръ васъ ненавидитъ, знай-*

те, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Если-бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое; а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ. Если Меня знали, будутъ гнать и васъ: если Мое слово соблюдали, будутъ соблюдать и ваше. Но все то сдѣлаютъ вамъ за имя Мое (Іоан. 15, 18—21). И описываемое Толстымъ страшное раздѣленіе между міромъ и Церковію дѣйствительно нѣкогда наступитъ. Это будетъ предъ кончиной міра, по предсказанію пророковъ, Иисуса Христа и апостоловъ. Тогда міръ не только отдѣлится отъ Церкви, но во главѣ съ антихристомъ, руководимымъ діаволомъ, воздвигнетъ страшное гоненіе на Церковь, всемірную войну противъ нея, чтобы, если можно, уничтожить ее окончательно (Апокал. 12, 13—17). Это будетъ окончательная борьба зла противъ добра. Но въ меньшихъ размѣрахъ эта борьба всегда существовала, то ослабѣвая, то усиливаясь. Она была и до Константина Великаго, только характеръ ея въ то время былъ иной, нежели послѣ него, какъ и вообще характеръ борьбы между добромъ и зломъ безконечно измѣняется въ зависимости отъ времени, мѣста, историческихъ обстоятельствъ и другихъ разнообразныхъ условій. Конецъ прошлаго вѣка и вторая половина истекающаго столѣтія, по широтѣ распространенія безбожія, могутъ быть разсматриваемы какъ подготовительныя къ послѣднимъ временамъ эпохи. Быть можетъ и еще будутъ подобныя же эпохи невѣрія въ перемежку съ эпохами противоположнаго характера, такъ какъ глубокое и широкое развращеніе нравовъ и необычайное распространеніе безбожія въ послѣднія времена, несомнѣнно, будутъ подготовлены предшествующимъ ходомъ исторіи человѣчества. Предотвратить несчастный конецъ ея никто не въ силахъ. Ни пророки, ни апостолы, ни Иисусъ Христосъ, говоря о враждѣ міра, который *весь лежитъ во злѣ* (1 Іоан. 5, 19), къ своимъ послѣдователямъ и о чрезвычайномъ распространеніи и господствѣ зла въ послѣднюю годину, не обвиняютъ въ этомъ Церковь, а признаютъ эту вражду и борьбу міра противъ Церкви неизбѣжной и, при томъ состояннн человѣческаго рода, въ которое онъ самъ поставилъ себя, естественной.

Преувеличивая маловліятельность Церкви и ея винов-

ность въ этомъ, графъ Толстой слишкомъ пессимистически смотритъ и на религіозно-нравственное состояніе современнаго міра. „Всѣ люди, говоритъ онъ, неудержимо идутъ за тѣми, которые идутъ впереди, и всѣ придутъ туда, гдѣ стоятъ передовые; передовые же стоятъ надъ пропастію“. По мнѣнію его, міръ въ наши дни переживаетъ опасный и сильный переворотъ,—такой-же, какой бываетъ у чело-вѣка при переходѣ его изъ утробнаго періода жизни на свѣтъ Божій.

Правда, невѣріе въ области религіозной, легкость и развра-щеніе нравовъ въ жизни нравственной и въ особенности социализмъ и анархизмъ въ жизни политическообщественной въ настоящее время внушаютъ серьезныя опасенія за ближайшее будущее.

Припомнимъ, какой паническій ужасъ въ послѣдніе два года нападалъ на жителей большихъ городовъ Запада предъ наступленіемъ перваго мая. Соціализмъ на Западѣ усиливается и распространяется не по днямъ, а по часамъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всякое общественное движеніе, въ пору своего роста и молодой свѣжести, особенно если оно подвергается преслѣдованію со стороны большинства, могущественно единодушіемъ его сторонниковъ, идеалистическимъ воодушевленіемъ ихъ, имѣетъ привлекательность новизны, дѣятельность и самыя неудачи его приверженцевъ бывають окружены ореоломъ безкорыстія, самоотверженности и героизма. Но съ теченіемъ времени самая сила движенія, особенно если она дѣйствуетъ сокрушительно, становится источникомъ безсилія и упадка: энтузіазмъ ослабѣваетъ, являются враждующія одна противъ другой партіи, а вмѣстѣ съ ними и разложеніе. Начатки разложенія уже и теперь стали обнаруживаться среди социалистовъ, а анархисты-динамитчики, безъ сомнѣнія, уронять дѣло социализма. Впрочемъ, съ точки зрѣнія Толстаго, социализмъ—не зло; онъ самъ сочувствуетъ социализму.

Еще внушаютъ опасенія распространеніе безбожія и раз-вращенія нравовъ. Но, съ другой стороны, вотъ уже не менѣе двадцати лѣтъ дѣйствуетъ сильная реакція противъ невѣрія и развращенія нравовъ. Въ личности и жизни са-мого графа Толстаго ярко обнаружилось дѣйствіе этой переживаемой современнымъ міромъ реакціи: въ пятидеся-

тыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ графъ былъ невѣрующимъ, а въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ онъ бичуетъ невѣріе, матеріализмъ, безнравственность. Базаровыхъ теперь чаще встрѣтишь среди отживающихъ свой вѣкъ отцовъ, нежели среди начинающихъ жить дѣтей, а это показываетъ, что направленіе теперешней жизни совсѣмъ иное, нежели въ шестидесятыхъ годахъ. Указываютъ на два событія, которыя если не перевернули, то по крайней мѣрѣ значительно измѣнили русло теченія жизни: это—бозобразная братоубійственная рѣзня коммунаровъ въ Парижѣ въ 1871 г. и убіеніе Александра II. Но эти событія только ускорили поворотъ въ духѣ времени, а порожденъ онъ внутренними силами, которыя поэтому и нельзя признать истощенными, а само человѣчество стоящимъ на краю пропасти. Храмы не пусты даже и на Западѣ, за исключеніемъ развѣ храмовъ въ тамошнихъ большихъ городахъ.

Впрочемъ, какъ моралистъ, графъ Толстой главное зло теперешняго цивилизованнаго міра видитъ не въ невѣрїи и безрелигіозности, а въ отсутствїи въ немъ нравственныхъ основъ для жизни. По словамъ графа Толстаго, къ кому изъ образованныхъ людей онъ ни обращался съ вопросомъ, для чего онъ живетъ и почему живетъ такъ, а не иначе, онъ не получалъ прямого отвѣта на вопросъ.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ этотъ упрекъ приложимъ къ западному цивилизованному міру, но въ отношенїи въ русскому свѣтскому интеллигентному обществу онъ, къ несчастью, справедливъ. Наши свѣтскіе писатели, юристы, естествоиспытатели, врачи, техники, чиновники всѣхъ ранговъ, недоучки, въ значительной своей части, а быть можетъ и въ большинствѣ, къ Церкви равнодушны, Библию не читаютъ, въ богословіи—круглые невѣжды, и потому едва знаютъ, или и совсѣмъ не знаютъ даже основныхъ истинъ христіанской вѣры и христіанскаго правоученія, а иные даже прямо относятся съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ къ церковности и богословской наукѣ. Богословіе они и наукой не считаютъ и безапелляціонно обзываютъ его схоластикой ¹⁾, хотя на своемъ вѣку не читали ни одной

¹⁾ Такъ г. Словимскій въ одной изъ осеннихъ книжекъ Вѣстника Европы за 1891 г. въ статьѣ, направленной противъ ученія графа Толстаго,

богословской книги и слѣдовательно о богословіи и судить не могутъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ отношеніи нашего свѣтскаго образованнаго, полуобразованнаго и недоучившагося общества къ религіи, Церкви и богословію это общество не можетъ относиться сознательно ни къ вѣроученію, ни къ правоученію Христову и только по привычкѣ, традиціонно, изъ подражанія всѣмъ, исполняетъ иногда церковныя обряды.

Однако и эти, жалкіе съ религіозной точки зрѣнія, люди правила нравственности, по крайней мѣрѣ, основныя, знаютъ. Они знаютъ ихъ частію съ голоса совѣсти, частію изъ книгъ, частію по наслышкѣ отъ людей, они почерпаютъ ихъ изъ жизни общества и цѣлаго народа, которая какъ-бы низко ни думалъ о ней графъ, построена на началахъ христіанскихъ. Каждый изъ нихъ знаетъ, что воровать, убивать человѣка, обманывать, лгать, клеветать, ненавидѣть, мстить и т. п. дурно, не должно, не „честно“, есть зло, а любить людей, помогать бѣднымъ и безпомощнымъ, защищать гонимыхъ и невинно страдающихъ, трудиться, платить долги, кормить и покоемъ престарѣлыхъ родителей, воспитывать дѣтей, должно, хорошо, есть добро. Тѣ изъ нихъ, которые не окончательно потеряли вѣру въ Бога, кромѣ того, не могутъ не признать, что нужно молиться Богу и каяться, что зло Богъ наказываетъ, а за добро награждаетъ. Не утверждаемъ, чтобы нравственныя понятія нашего свѣтскаго цивилизованнаго общества отличались твердостію, ясностію и опредѣленностію, но все-таки они есть. Мы думаемъ, что ему менѣе извѣстны догматическія истины, нежели нравственныя, а графъ Толстой полагаетъ, что нашимъ интеллигентамъ всего менѣе извѣстны нравственныя истины.

Изъ всѣхъ нравственныхъ понятій нашего свѣтскаго цивилизованнаго общества наибольшей темнотой, запутанностію, неустойчивостію, даже живостію отличаются понятія о половыхъ отношеніяхъ. Признавая чувство половой

равнодушіе свѣтскаго образованнаго общества къ богословію объясняетъ схоластичностію послѣдняго. Какъ будто г. Слонимскій читалъ русскіе богословскіе книги и журналы! Какъ будто онъ знаетъ различіе между схоластическимъ и несхоластическимъ богословіемъ!

любви естественнымъ и притомъ непреодолимымъ и окружающая его ореоломъ красоты по тѣсной связи его съ эстетическимъ чувствомъ, иные думаютъ, что и состоящимъ и несостоящимъ въ бракѣ не предосудительно отдаваться влеченію естественнаго чувства. Это—природа, говорятъ они; нельзя противъ воли любить; нельзя и не нужно и противодѣйствовать любви, когда она есть; чувство любви не только натурально, но и благородно. Такимъ способомъ оправдываются блудъ и прелюбодѣяніе. Блудъ врачи и тѣ, которые имъ вѣрятъ, оправдываютъ еще тѣмъ, что онъ, если люди не преступаютъ мѣру силъ, предохраняетъ отъ истерики и другихъ болѣзней и разстройства нервной системы. Бываетъ и хуже того: праздные и пустые жуиры изъ свѣтскаго общества даже легкомысленно хвастаются своими побѣдами надъ нѣжными сердцами. Иные даже и посѣщеніе публичныхъ домовъ считаютъ дѣломъ не безопаснымъ, но не особенно дурнымъ въ нравственномъ отношеніи, судя по тому, что они не стыдятся признаваться въ этомъ не однимъ короткимъ пріятелямъ. Найдутся и такіе, которые самую седьмую заповѣдь признаютъ пенужной и нецѣлесообразной. Намъ привелось на пароходѣ слышать, какъ студентъ, чуть-ли не еврей, объяснялъ дѣвицѣ не первой молодости, что седьмая заповѣдь—заповѣдь странная. Если мужчина желаетъ сойтись съ женщиной, а она не желаетъ, или, наоборотъ, домогается этого женщина, но мужчина не рѣшается, то заповѣдь не нарушается ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ; а если они сходятся по взаимному добровольному согласію, то какое дѣло до этого Господу Богу. Въ виду всего этого мы полагаемъ, что „Крейцерова Соната“ и „Послѣсловіе“ къ ней написаны благовременно и не могли не оказать хорошаго дѣйствія на тѣ слои нашего общества, въ которыхъ слишкомъ легкомысленно, или равнодушно, или превратно относятся къ преступленіямъ противъ седьмой заповѣди.

И все-таки мы не видимъ достаточныхъ основаній считать нравственное состояніе русскаго общества почти ужаснымъ и общество лишеннымъ нравственныхъ основъ. Да и самъ графъ Толстой какъ-то путается и противорѣчитъ себѣ въ оцѣнкѣ нравственнаго уровня этого общества. Съ одной стороны онъ признаетъ его настолько низкимъ, что

даже будто-бы передовые люди общества стоятъ у пропасти, а съ другой стороны, находятъ современное человѣчество преисполненнымъ жизни и кипучей дѣятельности и стоящимъ на перепутьи отъ періода полусознательной жизни, подобной утробной жизни младенца, къ жизни высшей, сознательной. Самъ же онъ говоритъ, что все то, чѣмъ истинно живетъ теперь міръ и что ворочаетъ міромъ—это части ученія самой Церкви, это—„соціализмъ, коммунизмъ, политико-экономическія теоріи, утилитаризмъ, свобода и равенство людей, всѣ нравственныя понятія, святость труда, святость разума, науки, искусства“. Съ общепринятой точки зрѣнія изъ всего перечисленнаго только соціализмъ и коммунизмъ признаются не желательными и опасными, но самъ графъ Толстой, какъ извѣстно, имъ сочувствуетъ, а все прочее почти всѣми признается возвышеннымъ. Выходитъ, что современный цивилизованный міръ живетъ по самымъ возвышеннымъ началамъ. Но въ такомъ случаѣ можно-ли говорить, что „все цивилизованное большинство людей осталось для жизни съ одной вѣрой въ городского и урядника“, что „въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ какихъ нибудь ясно выраженныхъ нравственныхъ основъ для жизни“ и что „передовые стоятъ надъ пропастью“? Положеніе передовыхъ графъ находитъ ужаснымъ, потому что они дѣлаютъ жизнь для себя и готовятъ жизнь своимъ послѣдователямъ, а между тѣмъ не знаютъ, зачѣмъ они дѣлаютъ то, что дѣлаютъ. Вѣримъ, что не знаютъ, а самъ графъ знаетъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ то, что дѣлаетъ? Они не знаютъ настоящей цѣли своей дѣятельности не потому, что въ нихъ нѣтъ нравственныхъ основъ, а потому, что они не имѣютъ основъ религіозныхъ.

О жизни и дѣятельности человѣка возможны два вопроса: почему и для чего онъ совершаются; третій вопросъ о томъ, каковы онѣ и какъ совершаются, насъ теперь не касается.

На вопросъ, почему человѣкъ дѣлаетъ то, а не это, могутъ быть разные отвѣты, но въ концѣ концовъ они сводятся къ одному основному: онъ дѣлаетъ то, а не это по требованіямъ, по законамъ своей физической и духовной природы, какъ фактически существующей со всѣми достоинствами и недостатками въ индивидуумѣ, такъ и идеаль-

ной. Напр., почему человекъ ѣсть и пьетъ? Потому, что этого требуетъ его физическая природа, требуетъ законъ, по которому она устроена. Почему человекъ приобретаетъ познанія, помогаетъ ближнимъ и т. п.? Потому, что эти дѣйствія вызываются потребностями его духа: стремленіемъ разума къ истинѣ, голосомъ совѣсти и нравственнаго чувства,—вызываются требованіями законовъ человѣческихъ и Божескихъ, которыя согласны съ требованіями человѣческой природы въ ея нормѣ, опредѣляютъ и формулируютъ послѣднія.

Труднѣе отвѣтить на вопросъ: для чего человекъ дѣлаетъ то, а не это, и для чего живетъ. Ближайшія цѣли его дѣйствій и жизни ему извѣстны. Но въ вопросѣ о жизни онъ не удовлетворяется указаніемъ ихъ, а желаетъ знать цѣли конечныя; но эти то послѣднія, самыя важныя, именно и скрыты отъ него. Для чего человекъ ѣсть и пьетъ? Для того, чтобы поддержать свою жизнь. Для чего размножается? Для того, чтобы продолжить жизнь рода. Но для чего нужно поддерживать свою личную жизнь и жизнь рода, для чего нужна и къ чему предназначена жизнь рода, на этотъ вопросъ отвѣчать очень трудно,—настолько трудно, что натуральное человѣчество не дало на него никакого отвѣта. Ни индусы и персы, ни вавилоняне и ассиріяне, ни арабы и финикіяне, ни греки и римляне, ничего не сказали на вопросъ: для чего живетъ человекъ, для чего существуетъ человѣчество? Египтяне, кажется, больше всѣхъ народовъ сознавали важность этого вопроса и чуяли, каковъ долженъ быть отвѣтъ на него. По ихъ памятникамъ можно догадываться, что они прилежно устремляли взоры на загробную жизнь и, повидимому, здѣшнюю жизнь считали приготовленіемъ къ той жизни. Положительное, опредѣленное и истинное ученіе о томъ, для чего живетъ человекъ, даетъ только христіанство, а въ меньшей мѣрѣ давала его ветхозавѣтная религія. Оно даетъ его отчасти и въ правоученіи, напр. въ заповѣдяхъ о блаженствахъ, но преимущественно въ вѣроученіи, въ догматической своей сторонѣ. Графъ Толстой, незаметно для себя и вопреки самому себѣ, подошелъ къ признанію необычайной важности метафизической или догматической стороны христіанства, потому что именно она даетъ отвѣтъ на вопросъ: для чего живетъ человекъ? а этотъ вопросъ по оцѣнкѣ графа есть главнѣйшій изъ

всѣхъ вопросовъ,—подошелъ, но не дошелъ. Признаетъ графъ положеніе передовыхъ людей нашего времени ужаснымъ, потому что они не знаютъ, для чего живутъ и дѣлаютъ то, что дѣлаютъ, а не замѣчаютъ, что и самъ находится въ такомъ же положеніи. Для чего онъ живетъ и дѣлаетъ то, что дѣлаетъ? Держась альтруистическаго ученія позитивистовъ и пессимистовъ, онъ можетъ дать только тотъ отвѣтъ, что онъ живетъ для блага и жизни рода. Хорошо. Но для чего и для кого нужны жизнь и благо рода? для чего живетъ все человѣчество? Чистые моралисты и альтруисты предъ этимъ вопросомъ безотвѣтны, безотвѣтны предъ нимъ всѣ, которые не признаютъ религіи, или всю ее сводятъ къ нравоученію и нравственности. Если нѣтъ личнаго Бога и личнаго загробнаго существованія человѣка, то на вопросъ, для чего живетъ человѣкъ и весь родъ человѣческій, отвѣта нѣтъ. Истина бытія личнаго Бога и истина личнаго безсмертія человѣка—это два устоя религіозной метафизики, или догматики. Принимая ихъ, мы говоримъ: человѣкъ живетъ на землѣ для того, чтобы чрезъ усовершенствованіе себя и другихъ людей готовить себя и ихъ къ высшей загробной жизни. Это религіозное ученіе включаетъ въ себя, какъ часть, и свѣтское ученіе о прогрессѣ человѣка и человѣческаго рода, но оно безконечно превосходитъ послѣднее тѣмъ, что даетъ цѣль, и притомъ возвышенную, жизни и индивидуума, и рода.

Не признавая истинъ бытія личнаго Бога и личнаго безсмертія человѣка, понимая религію, какъ нравоученіе и нравственность, склоняясь къ социализму, графъ могъ придти къ убѣжденію, что въ настоящее время истинно-вѣрующіе христіане суть социалисты и что безъ нихъ нравственное состояніе современнаго цивилизованнаго міра было-бы ужасно. Истинными христіанами оказываются тѣ, которые, по собственному признанію графа, принимаютъ только малую часть ученія Христа, которые Самого Христа не хотятъ знать или даже ненавидятъ, которые стоятъ у пропасти и находятся въ ужасномъ положеніи, которые, наконецъ, и въ Бога-то не вѣрують. Можно-ли дойти до большей путаницы въ понятіяхъ? Конечно, графъ не первый и не онъ послѣдній по требованію ложной доктрины говорить несообразности.